

ТЕМА БОГАТСТВА: У ПЛАТОНА, МАКСА ВЕБЕРА И В НАШИ ДНИ

Л.Г. КРИШТАЛЕВА

90-е годы прошлого века подняли общественную мысль, философию в нашей стране на гребень волны всеобщего интереса. Газетная и журнальная публицистика горячо анализировала причины очередного исторического перелома, в переполненных лекционных залах вещали европейские и наши собственные звезды, появились новые философские издания, хлынула переводная литература – иногда публиковалось по несколько русских вариантов одного и того же текста. С тех пор прошло два десятка лет. Многое изменилось. Интерес к пониманию собственной ситуации схлынул и перетек в практические сферы: в бизнес, политтехнологии, в разного рода журналистику¹. Почему ушел этот интерес? Возможно, потому что исчезла острота ситуации: исторический сдвиг совершился, все потеряло новизну и было принято нами – вольно или невольно. Мы все-таки привыкли к новой жизни, адаптировались, встроились, вросли в нее. А философия как захватывающая весть, как открытие мысли уступила место любопытству: появилось много новых вещей и событий, стилей жизни и отношений. Просто всего стало много. Как из рога изобилия (или ящика Пандоры) на нас вылилось и захлестнуло прежде неведомое. И, пожалуй, самым интересным и влиятельным стал новый для нас, выходцев из советского государства, опыт собственности и богатства – не важно, чужого или своего. В нем разными путями нашла свое выражение мысль многих людей нашего поколения.

В статье 1996 года «Проблема собственности» Владимир Вениаминович Бибахин говорил, что мы обязаны разобрать собственность, но не потому что перед обществом будто бы стоит задача самоанализа, изучения себя. По его словам, те, кто думает, что бьют задачи до разбора, без разбора, уходит от дела мысли и просто от дела². Конечно, следовать требованию строгой мысли трудно, однако необходимо – снова и снова.

«Доблесть – богатство» и «богатство – доблесть»

Макс Вебер связывал успех большого числа американских и европейских предпринимателей с особенностями протестантской этики, а именно с рациональностью, с отношением к профессии как к призванию, с систематически-методическим подходом к деятельности, с признанием успеха как знака Божия. Эти идеи изложены в книге «Протестантская этика и дух капитализма» – одной из его главных

работ. Книга была написана после посещения Америки. Это путешествие стало для ученого откровением. В том, что происходило в молодой стране, Вебер увидел новую точку отсчета истории.

В главе «Протестантские секты и дух капитализма»³ описан реальный эпизод. Макс Вебер присутствовал при обряде крещения в баптистской церкви. Его спутник обратил внимание на молодого человека, который, как ему было известно, хотел открыть банк в местном городке и с этой целью крестился в секте. Вебер обратил внимание на связь этих двух событий — из этого наблюдения, фактически, и родилась книга.

Секты в то время представляли собой небольшие сообщества, связанные дисциплиной и ответственностью за своих членов, в том числе и материальной. Прежде чем человек становился членом религиозной общины, изучалась его жизнь, проверялась честность и безупречность его поведения. Таким образом, крещение означало публичную гарантию моральных качеств, своеобразную отметку: этот человек проверен, он добропорядочен и честен, ему можно дать кредит, с ним можно иметь дело.

В другом месте, приводя рассуждения Бенджамина Франклина в качестве подтверждения собственным теоретическим выводам, Вебер уточнит: «Там, где видимость честности достигает того же эффекта, она может заменить подлинную честность — ведь легко предположить, что в глазах Франклина переизбыток добродетели — лишь ненужная расточительность и как таковая достойна осуждения»⁴.

Иными словами, важные, на взгляд М. Вебера, основы, на которые опирается предпринимательство, сами подчинены рациональности и прагматизму, включены в стратегию расчета. Не важно, насколько прочны основы, — важно, что на них можно опереться, когда нужно. Таким образом, этические принципы протестантизма, принесшие их приверженцам коммерческий успех, — это своего рода рабочий момент или этап роста капитализма.

Все, что каким-либо образом соприкасается с капиталом, имеет свойство конвертироваться в деньги. Иначе и быть не может — в противном случае оно непременно выпадет из процесса, как лишняя деталь («ненужная расточительность») вылетит из работающего механизма. Конвертация, превращение в знак — главная операция нашей реальности. Сначала конвертируются вещи в знаки, потом знаки в знаки. Вещи, тяжелые, большие, инертные, не успевают, отстают от этого процесса конвертации и, в конце концов, остаются далеко позади, ведь энергия капитала столь велика и постоянно увеличивается... Время — деньги, как известно.

Сами деньги — знак того, что не существует, но реально они — символ самопорождающейся энергии, охватившей мир так же, как,

по словам Гераклита, некогда все занялось от огня логоса. О том, что энергия капитала сродни огню, всепоглощающему, легко перекидывающемуся, о масштабах пожара явственно свидетельствует глобализация с международными банками, организациями, транснациональными корпорациями и мировой политикой. Но мы чувствуем проникающую, всеохватную силу этой энергии и без макроэкономических выкладок.

Огонь разгорелся — все охвачено и пылает. Одни вещи он пожирает, другие портит. И лишь немногие остаются нетронутыми. Пострадали, пострадаем ли мы в этом пожаре, нужно ли нам спастись?

Конечно, когда протестанты говорили о коммерческом успехе как знаке Божьем, вряд ли они имели в виду, что Успех может существенно превосходить самого человека. Большой успех с созданием экономических империй, с фантастическими цифрами прибылей является образцовым для капитализма (огонь захватывает все!). И возникает новый вопрос: нужен ли такой несоразмерно большой успех человеку? С другой стороны, большинство из нас уже прошло конвертацию, и независимо от успеха или неуспеха мы — уже в огне.

Посмотрим, какими выходят из огня те, кто загорелся больше других. «Self-made» — так называют успешных людей. «Сделавший себя» человек сделал это совместно, одновременно со своим бизнесом: предварительно рассчитал и спланировал, запустил в работу, получил прибыль, капитализировал⁵ ее. Помимо, без, вне бизнеса нет и человека «self-made». Подтверждение тому — ситуация разорения, экономического провала, коммерческого краха. Когда успешный бизнес рушится, никому не придет в голову назвать того, кто был «self-made», иначе как лузером и неудачником. Удастся человеку восстать из пепла, начать новое дело, вновь достичь успеха — и он снова станет «self-made». Интересные параллели английскому «self-made» дает русский язык. «Поставить на ноги», «стоять на своих ногах» — все эти выражения связаны с материальным благополучием. И в каждом из них есть энергия распоряжения собой ради последнего. Еще точнее перекличка смыслов между выражениями «self-made» и «иметь состояние». Богатство вводит человека в некое состояние, которое может выражаться в балах и охотах, равно как и в усилении к развитию бизнеса.

Итак, достигает ли истинного себя человек, создавший успешный бизнес? Похоже, что так вопрос не стоит. Истину здесь заменяет результат, дело, успех.

В греческой Античности самость была тождественна доблести: человек стремится к добродетели и становится истинным собой

в момент совершения доблестного поступка⁶. Интересно, что доблесть, арете, для платоновского Сократа – богатство, порос, а изначальное состояние человека – бедность, пеня. Вспоминая также библейскую притчу, можно сказать, что несмотря на все таланты-кредиты, которыми одаряют нас высшие силы, человек нищ перед лицом мира. Иными словами, еще до любого примитивного акта обмена между первобытными людьми, сам мир предстает перед нами как экономика, как притягательное богатство. Мы включены в нее благодаря собственному стремлению. Мир вызывает в нас стремление к себе, впрочем, оно ужé, заранее должно быть в нас. Иначе как можно вообще вызвать то, чего нет?

Доблесть – это богатство, привлекающее своим блеском человека. Какая яркая метафора, говорим мы себе, интерпретируя миф о Поросе, Пенни и соединяющем их Эросе-стремлении. Миф рассказан Сократом в диалоге «Пир» (203 b–e)⁷. В наше время это тождество, не теряя своей метафоричности, переворачивается: богатство – это доблесть. Иными словами, тот, кто достиг богатства, показал, на что он способен. Успех высветлил, каков на деле оказался этот человек, в каждодневном труде стремившийся к своей цели – к блеску богатства. Удивительным образом для бизнесмена Новейшего времени сохраняет свое действие та же энергия, та же схема, тот же механизм, который мы обнаруживаем в Античности: изначальная нищета – стремление к богатству – достижение того, к чему стремятся, как осуществление самого человека. И в том, и в другом случае человек осуществляет себя через другое. Интересно, что двусмысленность богатства (богатство как доблесть и как капитал) сохраняется и в языке: «несостоятельный» – это выражение применимо для оценки и самого человека, и его кошелька.

Сократ заверял афинян: будет доблесть, будет и недостаток: «Не от денег рождается доблесть, а от доблести бывают у людей и деньги и все прочие блага» («Апология Сократа». 30 b)⁸. В этой фразе философ не осуждает деньги, как могло бы показаться. Хотя мысленно, невольно и незаметно для себя, мы уже переиначили эту фразу, задав ей отрицательную определенность: от денег рождаются только пороки. Но мудрец говорит совершенно другое: он восстанавливает порядок – указывает на то, что раньше. Дobleсть раньше, говорит Сократ. От нее, от ее полноты – и все остальное, что нужно человеку. что Здесь явно нет приписываемого платонизму отрешенного ухода в идеальное (доблесть, благо) вопреки материальному (деньгам, благам), нет забвения, отрицания одного ради другого. Напротив, философ четко определяет занимаемые ими места. В этих словах мудрец призывает увидеть, что же действительно является источником всех богатств – сам человек, точнее, тот человек,

который воплощает в себе богатство мира — доблесть. Сократ даже говорит о таком золоте — тщательно отобранных и внимательно воспитанных людях, которые становятся правителями и стражами («Государство». 415 а)⁹. Самое удивительное, что этот призыв философа к доблести может быть услышан людьми. Если верить Макс Веберу, честность и порядочность принесли протестантам Америки и Европы коммерческий успех. Добрасть обогащает! Немецкий ученый объясняет это рациональностью: «Безудержная алчность в делах наживы ни в коей мере не тождественна капитализму и еще менее того его «духу». Капитализм может быть идентичным обузданию этого иррационального стремления, во всяком случае, его рациональному регламентированию»¹⁰. Расчет такой: быть добродетельным выгодно, поскольку порядочность обеспечивает доверие партнеров. Но вряд ли Сократ имел в виду именно это.

Богатство обогащает — какое бы оно ни было. И отнять стремление к нему у человека нельзя. В советские времена, когда были перекрыты пути к материальным благам, все рвались к ценностям культуры — стояли в очередях за книгами, добывали билеты на спектакли, самоотверженно трудились, множа запретные сокровища мысли на печатных машинках. Было ли во всем этом присвоении, поглощении духовных богатств стремление к доблести, добродетели? Однозначно ответить трудно. Конец СССР свидетельствует, что скорее — нет. Была ли в этом рациональность? Очевидно — нет, но явно было что-то гораздо более сильное и раннее, чем расчет. Считать начинают тогда, когда появляется что считать. Прежде же — блеск богатства и эротическое, если следовать Сократу, влечение к нему.

Мудрец видит Богатство среди богов: «Когда родилась Афродита, боги собрались на пир, и в их числе был Порос, сын Метиды» («Пир». 203 б). Метида — богиня Мудрости, супруга Зевса. Иными словами, происхождение Богатства самое достойное: его отец — верховный бог античного пантеона. В русском языке божественное происхождение богатства тоже самое непосредственное и близкое. Этимологию слова «богатый» Фасмер связывает непосредственно со словом «бог». А смыслы общего корня ученый восстанавливает, ища родственные слова в других языках: древне-индийское *bhágas* — «одаряющий, господин», *bhájati*, *bhájatē* — «наделяет, делит», греческое *fagein* — «есть, пожирать»¹¹.

Впрочем, нам, современным людям, слова философа о том, что доблесть обогащает, все-таки кажутся прекраснодушным идеализмом. Мы знаем, в нашей стране успешные и богатые люди безжалостно отнимают богатство у своей земли и своего народа. Честные же и порядочные в их ряду — скорее исключение.

Хотя в чем-то, конечно, платоновский Сократ прав. Ну да, если думать в масштабах всего общества, если все станут добрыми и хорошими, то, конечно, мы сразу станем счастливыми и богатыми. Вырисовывается логика, общая для идеализма Платона и социализма Маркса. Поскольку все это мы уже опробовали на себе, можем с уверенностью сказать: нет, объединенные прекрасной идеей о всеобщем благополучии люди не становятся добрыми и хорошими, но сообща движутся в противоположном направлении – к нищете. Сравнивая две исторические перспективы – капитализм и социализм – можно сказать, что путь к богатству как таковому проще и понятнее, прямее и короче. А главное, мы видим тех людей (капиталистов), которые действительно к нему пришли. В отличие от внешнего двигателя – идеологии и силы идей, толкающих к коммунистическому благоденствию, у этого движения есть самозаводящийся мотор – непрерывно действующая энергия самовозрастающего капитала.

Мы сделали оговорку – «богатство как таковое» – и сравнили последнее со всеобщим благоденствием коммунизма, обретаемым под условием идей, идеологии, в исторической перспективе. Ведь убежденному человеку нужно не абы какое богатство, а правильное, полезное для всех. Так что оно – не «как таковое» в отличие от капитала, оно с оговорками.

И вновь замечаем подмену. У Сократа было иначе: сама доблесть (=идея) и есть божественное богатство. Не средство, не условие – но само богатство. И в этом смысле оно ближе к капиталу, нежели к коммунистическому благоденствию.

Нам возразят: ну и что, философ-то был бедняком, у старика не оказалось денег заплатить суду, чтобы его не казнили. Да, потому что богатства доблести ему было достаточно, чтобы не искать никакого другого. Так же и правители-стражи в платоновском государстве должны были обходиться необходимым, бесплатно предоставляемым им другими гражданами: «А насчет золота и серебра надо сказать им [стражникам], что божественное золото – то, что от богов – они всегда имеют в своей душе, так что ничуть не нуждаются в золоте человеческом, да и нечестиво было бы, обладая тем золотом, осквернять его примесью золота смертного: у них оно должно быть чистым, не то, что ходячая монета, которую часто нечестиво подделывают» («Государство». 416 e).

Итак, Сократ запрещает смешивать разные виды золота: божественное и материальное. На первом, а не на втором, по его мнению зиждется благополучие города. Лучшие люди, чьи души из золота, – вот золотой запас государства: «Хотя все члены государства братья... но бог, вылепивший вас, в тех из вас, кто способен править,

примешал при рождении золота, и поэтому они наиболее ценны, в помощников их – серебра, железа и меди – в земледельцев и разных ремесленников» (415 а). В правителях заключено золото, они сами – капитал, сказал бы современный человек. Все эти духовные раскопки нужны нам не для историко-философского исследования. Мы продолжаем искать различие между богатством и богатством, между золотом и золотом, между доблестью и капиталом.

Философу возражает собеседник: «Не слишком-то счастливыми делаешь ты этих людей [стражников], и притом они сами будут в этом виноваты: ведь... государство в их руках, но они не пользуются ничем из предоставляемых государством благ, между тем как другие приобретут себе пахотные поля, выстроят большие, прекрасные дома... будут владеть... золотом и серебром и вообще всем, что считается нужным для счастливой жизни» («Государство». 419). Сократ соглашается со справедливостью возражения: «Не заставляй нас соединять с должностью стражей такое счастье, что оно сделает их кем угодно, только не стражами» («Государство». 429 d). Не пользоваться тем, что создаешь и чем владеешь – эту ситуацию Макс Вебер назвал бы иррациональной: «Нажива в такой степени мыслится как самоцель, что становится чем-то трансцендентным и даже просто иррациональным по отношению к «счастью» или «пользе» отдельного человека»¹². Как для сократовских стражей-правителей, для веберовских капиталистов дело, бизнес является самоцелью. Если бизнесмен проживает свои деньги, а не пускает их в дело, он перестает быть таковым, так же как стражи, которые пользуются благами охраняемого государства.

Вырисовываются любопытные параллели между мыслителями разных тысячелетий. Интересно, что у Сократа и Вебера схожи рассуждения не только о золоте-капитале, но и о труде. Немецкий ученый говорит, что капитализму нужен новый тип работника, для которого труд является призванием и опять-таки самоцелью¹³. Сократ тоже говорит о призвании и заинтересованности, правда, у него нет однородной массы «работников», нивелированных капиталом, но есть правители, стражники, горшечники, земледельцы: «Справедливостью будет – и сделает справедливым государство – преданность своему делу у всех сословий: дельцов, помощников и стражей, причем каждое из них будет выполнять то, что ему свойственно» («Государство». 434 с).

Призвание всех граждан платоновского государства – делать свое дело и тем самым сохранять целое. Нет задачи – осчастливить кого-то одного. Этот же механизм опосредования есть и в капиталистическом предприятии, как его понимает Макс Вебер. Добавим – и в коммунистическом проекте. Бизнесмен, привлекая работников,

включая в дело себя, работает не столько ради себя, сколько ради капитала. И в первом и во втором случае каждый (правитель и ремесленник, капиталист и рабочий) получает свою долю: «При росте и благоустройстве нашего государства надо предоставить всем сословиям возможность иметь свою долю в общем процветании, соответственно их природным данным («природные данные» в данном случае означает — из чего, из золота, серебра, железа или меди сделаны люди. — Л. К.)» («Государство». 421 с). Итак, у каждого — своя доля от целого. У правителей, так же как у капиталистов доля — править целым.

Управление богатством

Правитель — главная фигура платоновского государства. А управление, менеджмент — главные темы капиталистического хозяйствования. Платоновским государством правит справедливость. Сократ говорит, что полису богатство не нужно в равной мере, как и бедность. От первого сапожники и земледельцы разлентятся и перестанут делать свое дело: «Разбогатевший горшечник захочет ли... совершенствоваться в своем ремесле?... Скорее он будет становиться все более ленивым и небрежным» («Государство». 421 d). Из-за второй пострадает качество работы: «А если по бедности он не может завести себе инструмента или чего-нибудь другого, нужного для его ремесла, то его изделия будут хуже и он хуже обучит этому делу своих сыновей и других учеников» («Государство». 421 d). Эту логику Макс Вебер назвал бы рациональностью. Ученый, рассуждая о рациональной оплате труда на капиталистическом предприятии, описывает некий антипод — незамужнюю немку, которая, сколько ей ни плати — больше или меньше — трудится одинаково неэффективно¹⁴.

Мы видим, что Платон прекрасно владеет счетом, фантастически трезв и рационален. Он предлагает очень продвинутую модель общества, которую мы в XX — XXI веках назвали бы государственным капитализмом. Рациональным регулированием, которое мы обнаруживаем в «Государстве» Платона, предельно заряжены как веберовская теория капитализма, так и марксистская теория построения коммунистического общества. Причем Вебер, в отличие от Маркса, четко отслеживает момент, когда расчет оборачивается, превращается в свою противоположность: «Summum bonum этой этики [американской морали] прежде всего в наживе, во все большей наживе при полном отказе от наслаждения, даруемого деньгами, от всех эвдемонистических или гедонистических моментов: эта нажива... становится чем-то трансцендентным и даже просто иррациональным по отношению к «счастью» или «пользе» отдель-

ного человека»¹⁵. Ну а всю иррациональность пути к коммунизму мы знаем не понаслышке — для этого нам даже не требуется читать антиутопии.

Мы не будем сейчас затрагивать необычайно интересную тему рациональности, которая оборачивается чудовищным разгулом невиданных, разрушительных иррациональных сил. Важно, что Платон замечает границы своей рациональности и показывает их нам. Фактически он демонстрирует момент создания идеологии, регулирующей идеальное государство, когда предлагает «заставить... граждан поверить некоему благородному вымыслу», мифу («Государство». 414 b — c). Внимательный читатель Платона Ф. М. Достоевский описал в «Бесах» разворачивание и действие идеологии незадолго до того, как мы смогли ощутить ее страшную мощь на себе. А рассуждения античного философа о недопустимости нововведений в мусических искусствах, когда под видом безвредной забавы нарушается закон, разрушаются нравы («Государство». 424 d) — как они напоминают политику партии и правительства в отношении «формальных» течений в советской литературе, музыке, науке. Конечно, ведь искусствам (и у Платона, и в СССР) отведена важная воспитательная роль, а под действием нового к драгоценному золоту души может подмешаться что-то не то...

Не будем осуждать тоталитарные поползновения великого мыслителя¹⁶. Нам важнее обратить внимание на то, что обладающий богатством или стремящийся им обладать, всеми силами желает сохранить его, овладеть им. Слишком велик риск: лишаясь богатства, человек теряет себя. Не в том суть, идет ли речь о золоте-доблести платоновских стражников или о капитале человека «self-maid». Конечно, у того, кому терять нечего — риск гораздо меньше. Хотя человек редко замечает, насколько он богат и как много у него есть такого, что он может терять — всегда.

Итак, богатством нужно управлять. Но важно замечать, как богатство управляет миром и нами посредством желания обрести или сохранить его. Управляемый, управляющий мир богатства требует от человека, чтобы тот умел управлять и владеть прежде всего самим собой. В разные эпохи это проявляется по-разному: в смелости на поле боя или рациональности и расчетливом продвижении своего бизнеса, в бесстрастии-апатии или сдержанности эмоций, в доблестном поступке или корректном поведении.

Эпизод с крещением бизнесмена в баптиста, описанный Вебером, заканчивается словами: «Этому человеку успех гарантирован»¹⁷. В простой фразе заключено много смыслов, важных для понимания капитализма. Будущее, еще не существующее, но уже реальное богатство овладело и управляет молодым человеком: чтобы быть

полезным для дела бизнесмен делает себя годным, подходящим для работы капитала. В результате получается «само-сделанный», «self-made», человек, конфигурированный бизнесом, коммерческой задачей, стоящей перед ним. Капитал управляет человеком, включенным в бизнес, как одним из инструментов, одной из деталей работающего механизма, чем-то, что включено в действие его самовоспроизводящейся энергии.

Почему богатство требует управления? Поставим этот вопрос даже не для того, чтобы ответить, а хотя бы для того, чтобы заметить положение вещей. В истории было немало примеров, когда то, что еще не увидено человеком как богатство — будь то чистый деревенский свежий воздух, который так высоко ценят современные жители мегаполисов, африканское золото до начала европейской колонизации или заброшенные в 90-е годы сельскохозяйственные угодья Подмосковья — оказывалось вне управления.

«Управление» — в этом русском слове слышится «правый», «правильный», а во французском слове «менеджмент», имеющем латинское происхождение (оно-то и было заимствовано английским языком), заключен другой смысл — «вести домашнее хозяйство». Словарь Уэбстера ведет этимологию слова «менеджмент» от выражения «mainstion ago». Глагол «ago» значит «вести». А вести нужно как? Проторенной тропой или по чистому полю, по бездорожью? Вести куда? Просто так — в никуда, или к какой-то цели, к успеху? Очевидно, деньги следует направлять по пути, ведущему к успеху — к неостановимой, все возрастающей капитализации. Тот, кто ведет, должен знать эту дорожку и уметь провести по ней. Капитал не может остановиться в своем движении и просто воспроизводить определенную массу товаров или сумму денег. Иначе он перестает быть таковым. В эпохи, предшествовавшие капитализму, результатом дела была вещь. Для капитала производство продукта — промежуточный этап в цикле капитализации. Вещь — лишь подпитка для пламени. Капитал — эта непрерывно действующая, самовозрастающая, движущаяся энергия.

Заговорив о пути, мы вновь попадаем в русло философии платоновского Сократа. Почему-то это понятие не стало термином, например, как вид-эйдос. Но европейская и, соответственно, американская культуры хорошо усвоили данную интуицию через греческое слово «метод», корнем которого является «дорога», «путь». Про-из-ведение (и производство) предполагает некий путь, иначе сказать, технологию, по которой вперед (про-) из чего-то нечто выводится. Не случайно в современном хозяйствовании столь важны фигуры креаторов (дизайнеров), которые выводят из небытия новые вещи, чтобы ввести их на товарный рынок, и фигуры маркетологов,

промоутеров (буквально — «толкачей»), которые доводят произведенный товар до потребителя. И так, вещи и люди движутся по проложенным траекториям.

Психологические тренинги — необходимая составляющая профессиональной подготовки каждого менеджера — учат двигаться и вести по выверенному надежному пути. Человеку дается обозримое, ограниченное число понятных установок, опираясь на них, менеджер сделает нужные шаги в верном направлении: он не шагнет в овраг или пропасть, среди которых пролегает путь, он не пройдет мимо цели и придет к ней вовремя... Мы относимся к этой коммерческой психологии как к манипуляции. Она не является таковой настолько, насколько веберовский банкир является баптистом.

В технологиях успеха — менеджменте, маркетинге — действует та же, что и в «Государстве» Платона, управляющая нами энергия богатства, задающая направление движения. Богатство привлекает, притягивает человека, а человек прокладывает к нему дорогу: к доблести — поступком, к коммерческому успеху — с помощью менеджмента, маркетинга и т. п. Любопытно, насколько точно русский язык вторит интуициям античной философии: выражения «умение вести себя», «по-ведение», «по-ступок» говорят нам о том, что каждое действие человека имеет вектор, направляет его жизнь и судьбу к чему-то — к некоей цели, к осуществлению. Интересно, что все эти языковые метафоры — «умение вести себя», «по-ведение», «по-ступок», а также «быть состоятельным», «стоять на своих ногах» — связаны с нашей «ходовой частью» и, в конечном счете, с движением: ноги, стопа, стоять, вести...

Подводя итоги этого небольшого исследования, можно сказать, что богатство связано с самыми важными для человека вещами: богом, до-стоинством, о чем свидетельствует этимология русского языка, с доблестью — об этом рассуждает Платон. В наши дни определяющим является понятие богатства как все возрастающей прибыли, как капитала. Однако несмотря на сдвиги смысла структурно оно во все времена сохраняет связи с богом и доблестью. Подтверждением тому служит, кроме всего прочего, и теория Макса Вебера.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Анализируя это время, Г.Б. Гутнер говорит противоположное — ничего не изменилось — имея в виду то же самое: схлынувший интерес к философии и самой философии к осмыслению собственной ситуации: «Впрочем, период неопределенности кончился, и философия вошла в спокойное русло «нормальной науки». Беда в том, что, протекая по этому руслу, она рискует вовсе перестать быть философией» (Гутнер Г.Б. Памяти философа // Газета «Кифа». №2 (29), Февраль 2005).

² См.: Проблема собственности // Гуманитарная наука в России: соросовские лауреаты. Психология. Философия. – М., 1996. – С. 39 – 46.

³ См.: Вебер М. Избр. произв. – М., 1990. – С. 276.

⁴ Там же. – С. 74.

⁵ Капитализация – превращение прибавочной стоимости в капитал.

⁶ Об этом подробнее см.: Кришталева Л.Г. Философия и этика поступка (структура и значение поступка в различных культурно-исторических обстоятельствах). – М., 2010.

⁷ См.: Платон. Собр. соч. в 4-х т. Т. 2. – М., 1993. – С. 113.

⁸ Платон. Собр. соч. в 4-х т. Т. 1. – М., 1990. – С. 84.

⁹ См.: Платон. Собр. соч. в 4-х т. Т. 3. – М., 1994. – С. 184.

¹⁰ Вебер М. Избр. произв. – С. 48.

¹¹ См.: Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4-х т. Т. 1. – М., 1986. – С. 181, 182.

¹² Вебер М. Избр. произв. – С. 73.

¹³ См. там же. – С. 95. Предпосылку такого отношения к труду Вебер находит у Лютера: «Профессиональное призвание есть то, что человек должен принять как веление Господне, с чем он должен «мириться»; этот оттенок преобладает у Лютера, хотя в его учении есть и другая идея, согласно которой профессиональная деятельность является задачей, поставленной перед человеком Богом, притом главной задачей» (Там же. – С. 101).

¹⁴ См. там же. – С. 83.

¹⁵ Там же. – С. 73.

¹⁶ Тщательный анализ этой темы сделан Карлом Поппером в его книге «Открытое общество и его враги» (Т. 1. – М., 1992.).

¹⁷ Вебер М. Избр. произв. – С. 276.

Аннотация

Богатство связано с самыми важными для человека вещами: богом, достоинством, о чем свидетельствует этимология русского языка, с доблестью – об этом рассуждает Платон. В наши дни определяющим является понятие богатства как все возрастающей прибыли, как капитала. Однако несмотря на сдвиги смысла структурно оно во все времена сохраняет связи с богом и доблестью. Подтверждением тому служит среди прочего и теория Макса Вебера.

Ключевые слова: собственность, богатство, доблесть, капитал, успех, менеджмент, метод, рациональность, Платон, Макс Вебер, марксизм.

Summary

The wealth is related to the most important things for the human being: god, virtue. The Plato's dialogues show it. In our days the determinative sense of wealth is the profit, the capital. However the concept of wealth structurally keeps relations to god and virtue despite the transformation of its sense. Max Weber's theory confirms this thesis.

Keywords: property, wealth, virtue, capital, success, management, method, rationality, Plato, Max Weber, Marxism.